

Глава 3

Носить воду

Прежний владелец тела учился у учёного Ли, который брал по три лян серебра в год с каждого из пятнадцати своих учеников. Раньше он преподавал в городской школе, но вернулся в деревню, чтобы ухаживать за больной матерью.

Персонаж, в которого он попал, учился у него пять лет и сейчас ему был двадцать один год. «А я ещё и в выигрыше оказался, — подумал Сун Чансюй, — мне-то в современном мире было двадцать три».

Комната была просторной. Он открыл шкаф и увидел три длинных халата: один уже выцветший, два других — яркие и чистые. На столе лежали «Беседы и суждения» и «Учение о середине». Для сдачи экзаменов нужно было знать наизусть Четверокнижие и Пятикнижие. Учёный Ли уже прошёл с учениками Четверокнижие, «Книгу песен» и «Книгу документов», оставались «Книга обрядов», «Книга перемен» и «Вёсны и осени».

Книгопечатание в династии Нинсин было развито, и обязательные для экзаменов книги со временем подешевели. Семья Сун, скрепя сердце, купила сыну полный комплект.

Сун Чансюй не нашёл в памяти прежнего владельца никаких знаний из этих книг. Похоже, тот учился вполуха. Придётся навёрстывать упущенное самому.

— Чансюй, обедать, — раздался из главной комнаты голос Сун Минъяня.

— Иду, — отозвался Сун Чансюй, закрывая книгу.

В комнате уже сидели Сун Е и Сюй Чэн. Сун Минъянь и Лян Су носили с кухни еду. Солнечные лучи пробивались в комнату, и в них танцевали пылинки. В углу по стене расплзлась паутина трещин. Стол был старым, с облупившимися ножками. На нём стоял кувшин с ячменным чаем, источавшим лёгкий аромат.

Сун Е сидел во главе стола и дразнил Сюй Чэна арахисом. Его лицо было обветренным, но взгляд, обращённый к внуку, был тёплым. Он был одет в простую рабочую одежду, на ногах — соломенные сандалии, испачканные грязью.

— Что стоишь? Садись, — сказал он, увидев Сун Чансюя.

Еда уже была на столе. Сун Чансюй взял пресную лепёшку. Он думал, что она будет безвкусной, но лепёшка оказалась на удивление ароматной и приятной на вкус.

— Сегодня супа нет, я заварил ячменный чай, — сказал Сун Минъянь.

— И так хорошо, — отозвалась Лян Су. — После работы съесть горячего, да чаю выпить — что ещё для счастья надо.

Сун Минъянь сдержанно улыбнулся.

— Рада, что тебе нравится, мама.

Ячменный чай делали из обжаренного ячменя, он был дешёвым и вкусным.

Сюй Чэн съел одну лепёшку и наелся.

Сун Чансуй, думая о помолвке с Сюй Чжичжоу, решил прощупать почву.

— Вчера я обручился с Сюй Чжичжоу.

— Да, мы вчера вместе ходили в дом Сюй, и ты был очень доволен, — улыбнулась Лян Су. — Свадьба назначена на начало шестого месяца, так что ждать осталось три месяца.

Сун Е при мысли о том, что сын скоро женится и подарит ему внуков, повеселел.

— С женьбой торопиться не надо, Чжичжоу из деревни никуда не денется. Вот если бы ты сдал экзамены на сюця, было бы совсем хорошо. А если не получится, то с твоей грамотностью и в городе работу найдёшь.

В городе можно было устроиться счетоводом или открыть свою лавку — всяко лучше, чем в земле копаться.

Сун Минъянь, узнав, что в семью войдёт Сюй Чжичжоу, уже относился к нему с симпатией, как к будущему родственнику.

Слова о расторжении помолвки застряли у Сун Чансюя в горле. Но вспомнив, чем всё закончилось в книге, и то, что он — гетеросексуал, он всё же решился.

— Вчера обручились, а сегодня можно расторгнуть?

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь хлюпаньем Сюй Чэна, пьющего чай.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Лян Су. — Ты сам выбрал Сюй Чжичжоу, просил нас

с отцом пойти свататься, а теперь, день спустя, передумал? Думаешь, это игра?

Сун Е с грохотом поставил миску на стол.

— Выкуп отдан, договор подписан, гороскопами обменялись. Я вчера тебя спрашивал, уверен ли ты, и ты сказал, что да. Что же ты за человек такой? Помолвку расторгнуть нельзя, так что подумай хорошенько. Если бы ты вчера утром передумал, ещё можно было бы что-то сделать, а теперь поздно.

Он махнул рукой, тяжело дыша от гнева.

— Чансюй, — вступился за Сюй Чжичжоу Сун Минъянь, — если ты расторгнешь помолвку, ты сможешь найти другую девушку или гэ'эра, а вот репутация Сюй Чжичжоу будет погублена.

Мир был суров к женщинам и гэ'эрам. Для мужчины расторжение помолвки было пустяком, а для гэ'эра — клеймом на всю жизнь.

Сун Чансюй понял, что пути назад нет.

— Я боюсь, мы не сможем с ним ужиться.

— То, что ты так думаешь, значит, ты повзрослел, — смягчилась Лян Су. — Но вы ещё и дня вместе не прожили, откуда ты знаешь, что у вас не получится?

— Мы с твоей матерью тоже по сватовству сошлись, — добавил Сун Е. — До свадьбы и не виделись. И ничего, живём неплохо. А Сюй Чжичжоу ты сам выбрал, и семьи наши друг друга знают. Чего тебе бояться?

Сун Чансюй понимал, что поступил необдуманно. Но мысль о том, что ему придётся прожить всю жизнь с женщиной, была для него невыносима. К тому же, он обманет ожидания Сюй Чжичжоу, который мечтал о прекрасном принце. В первую же брачную ночь всё раскроется.

— Ешьте, — отрезал Сун Е. — И не думай больше об этом. Помолвку не расторгнуть.

— Я понял, отец. Больше я об этом не заговорю, — сказал Сун Чансюй.

После обеда он собрал посуду, но Лян Су выпроводила его из кухни.

— Мы с братом сами уберёмся. Иди отдыхай или занимайся.

Свадьба была делом решённым. Он хотел взять всю вину на себя, но теперь, выслушав брата,

понял, что был неправ. Он не подумал о Сюй Чжичжоу. Вспомнив, чем всё закончилось в книге, Сун Чансуй вздохнул. Нельзя судить о людях по написанному.

После обеда Сун Е и Лян Су, немного отдохнув, снова ушли в поле, Сун Минъянь — с ними. Сюй Чэн убежал играть с деревенскими детьми, и Сун Чансуй остался один.

Сюй Суньчжэн и Цао Цинь после обеда тоже ушли в поле, забрав с собой старшего сына.

— Чжичжоу, не забудь наносить воды в кадки и покормить птицу, — наставляла Цао Цинь.

— Знаю, знаю, — отмахнулся тот. Когда все ушли, он вымыл посуду, ворча: — Я не дурак, знаю, что делать. Вечно им нужно всё повторять.

Солнце сместилось к западу. Сюй Чжичжоу взял коромысло и пошёл за водой. Единственный колодец в деревне находился на окраине, а их дом стоял далеко, так что путь был неблизкий.

У колодца Сюй Чжичжоу принялся тянуть верёвку. Каменный край колодца был истёрт, с белыми бороздами от верёвки. Вода была чистой и холодной. Ладонь уже горела. Он наполнил два ведра и, нагнувшись, взвалил коромысло на плечи. Каждый поход за водой был для него пыткой, руки и плечи потом горели огнём. Он ненавидел носить воду, особенно в такую жару.

Сун Чансуй сидел в своей комнате за книгами, когда в дверь настойчиво постучали. Он пошёл открывать и увидел на пороге красивого гэ'эра, который, уперев руки в бока, сверлил его гневным взглядом.

Сюй Чжичжоу был одет в простую синюю рабочую одежду, волосы стянуты лентой, открывая высокий лоб и прелестное личико. Изогнутые, как осенняя вода, брови, тонкая талия, которую, казалось, можно обхватить одной рукой, и чуть приподнятые уголки губ.

— Ага, попался! — язвительно произнёс он.

Сун Чансуй впервые видел Сюй Чжичжоу и не ожидал, что тот окажется таким красивым. Неудивительно, что он так высокого мнения о своей внешности.

— Ты что-то хотел? — придя в себя, спросил он.

— Ты ещё спрашиваешь? — топнул ногой Сюй Чжичжоу. — Ты сам не знаешь, что натворил?

«Что я натворил? — подумал Сун Чансюй. — Да я невиннее агнца».

— Почему ты за мной не погнался? — закричал Сюй Чжичжоу. — Ты знаешь, как я опозорился? Завтра же пойдёшь в город и купишь мне пирожных из маша, иначе я с тобой разговаривать не буду и всем расскажу, что ты бессердечный обманщик!

— Подожди, из-за такой мелочи... У меня завтра нет времени идти в город, послезавтра...

— Меня не волнует! Я хочу пирожных! Ты, обманщик, опозорил меня, как мне теперь людям в глаза смотреть? За что мне такое наказание, у-у-у...

Их семьи были самыми знатными в деревне, но у Сюй были родственники в уездном управлении, да и старший брат души в нём не чаял. Сун Чансюй решил уступить.

— Куплю, — процедил он сквозь зубы.

Сюй Чжичжоу тут же поднял голову. На его лице не было и следа слёз. Сун Чансюй чуть не задохнулся от возмущения.

— То-то же. И не вздумай купить какие-нибудь дешёвые, я хочу те, что продают на Восточной улице, — сказал Сюй Чжичжоу, уже предвкушая лакомство.

— Я понял.

Услышав его ответ, Сюй Чжичжоу повеселел. Он смущённо переступил с ноги на ногу и прошептал:

— Я хотела попросить тебя ещё кое о чём.

Сун Чансюй насторожился.

— О чём?

Сюй Чжичжоу отодвинулся в сторону, открывая вид на коромысло и вёдра.

— Мама с папой велели мне наполнить кадки, но вёдра такие тяжёлые, я не могу их поднять, и у меня руки и плечи болят, ты... — говоря это, он смущённо взглянул на Сун Чансюя. — Ты не мог бы помочь мне наносить воды?

Сун Чансюй посмотрел на его белые, нежные руки, на которых не было ни царапины. Сюй Чжичжоу, поймав его взгляд, спрятал руки в рукава.

— Ну что ты так смотришь, мне неловко, — пробормотал он, отводя глаза.

«Неловко ему», — подумал Сун Чансюй, не заметив на его лице ни капли смущения.

— Свои дела делай сам, — сказал он.

— Да как ты смеешь! — вспыхнул Сюй Чжичжоу, но тут же сменил тон на жалобный. — Ну пожалуйста, помоги. Я так устала. Ты же мужчина, у тебя сил больше, тебе это ничего не стоит. Мы же скоро станем семьёй, что тебе, жалко воды наносить? Сун Чансюй, ты мой жених или нет?

Последние слова он произнёс с такой уверенностью, будто это был неоспоримый факт.

— Не поможешь — я с твоего порога не сдвинусь, — заявил он, расставив ноги и преграждая ему путь.

— Наношу, наношу, — сдался Сун Чансюй. Он закатал рукава, обнажая жилистые руки, и, взвалив коромысло на плечи, с усилием выпрямился. Тело его было слабым и непривычным к такой работе.

Сун Чансюй был выше Сюй Чжичжоу, и когда он выпрямился, то отбросил на него тень.

— Только пусть нас никто вместе не видит. Я пойду домой, буду тебя ждать, — сказал Сюй Чжичжоу.

— Иди.

Сун Чансюй услышал, как затихли его шаги. Если их увидят вместе, по деревне пойдут сплетни. Солнце палило, и душный ветер не приносил облегчения.

Сюй Чжичжоу вернулся домой. Вскоре пришёл и Сун Чансюй.

— Кадки здесь, — показал он.

Сун Чансюй вылил воду. Кадки наполнились лишь на малую часть.

«Какое же слабое это тело», — подумал он.

Он передохнул и снова взял коромысло.

<http://bllate.org/book/13427/1195435>